

Глава 20 (VIII)

Канцлерская усадьба

В главном зале поместья канцлера Яо Чжи стояла тишина, нарушаемая лишь едва слышным шорохом кисти. Хозяйка дома, облачённая в нежно-голубое платье, замерла над свитком. В её причёску были вколоты три пары золотых шпилек, а лицо, украшенное по последней моде яркими румянами, казалось воплощением достоинства и свежести. Тонкие брови и глаза феникса были самыми примечательными чертами её в остальном обычного лица. Однако в этом взгляде — узком, с высоко поднятыми уголками и зрачками, почти касающимися век, — сквозила холодная расчётливость. Казалось, сама природа наделила эту женщину даром плести интриги.

На столе перед ней белел чистый лист. Свежая тушь уже была растерта, кисть напитана влагой. Несколькими уверенными махами Яо Чжи набросала силуэт человека. Она внимательно вглядывалась в очертания, раздумывая над следующим штрихом, когда из тени бесшумно выступил доверенный слуга.

— Госпожа, Ли Ции передал... тот человек мёртв.

Слова ещё не затихли, а кисть уже выскользнула из пальцев Яо Чжи. Она упала на стол, оставив на бумаге жирную кляксу, которая мгновенно расплылась, поглощая нарисованный силуэт.

Переулок Юньшуй

Ближе к полудню в переулке Юньшуй воцарилось ленивое спокойствие. Те, кого дома ждали близкие, потянулись к семейным очагам; одинокие же попросту покупали еду в лавках и устраивались в тени, чтобы вздремнуть часок-другой. Те, у кого в карманах водилась лишняя монета, отправлялись в трактиры — поесть да перекинуться словом-другим с соседями.

С тех пор как Ли Гэ-эр открыл свою чебуречную, дела у него шли в гору. В его лавке всегда можно было найти свежие баоцзы с мясом или овощами всего за пару монет. Доход был не бог весть какой, но на жизнь хватало, а теперь, когда у него на руках остался Сяо Чжу-эр, помощи прибавилось, и в кошельке начали оседать кое-какие сбережения.

— Ли Гэ-эр, отправь-ка сюда порцию мясных баоцзы! — Лун Юй выкрикнул это прямо с порога своего заведения. Его винная лавка стояла почти напротив чебуречной, так что и ходить никуда не требовалось.

— Сейчас всё будет! — отозвался Ли Гэ-эр.

Глянув на стайку ребятни, облепившую ступеньки соседнего заведения, он сразу всё понял.

Открыв крышку бамбуковой пароварки, он наполнил целый сверток горячими, исходящими паром баоцзы.

— Сяо Чжу-эр, отнеси это Лун Юю.

— Ага! — мальчик подхватил тяжелый сверток и вприпрыжку пустился через дорогу. — Господин лавочник, я принёс баоцзы!

Сяо Чжу-эр остановился у входа. Пройти внутрь было непросто: дети сидели на ступенях плотной шеренгой, плечом к плечу, не оставляя ни единого просвета. Своим детским чутьём он догадывался, что это угощение предназначено именно им.

— Сяо Чжу-эр, поешь вместе с Гао-сяоцзы и остальными, — улыбнулся Лун Юй. — А я сейчас вынесу деньги.

Стоило ему договорить, как десяток ребят уставились на сверток в руках мальчика. Сяо Чжу-эр, который сам когда-то был одним из этих беспризорников, хорошо знал местные порядки. Он тут же сунул еду в руки Гао-сяоцзы.

— Брат Гао, держи, делись на всех.

— А ты сам-то ел? — Гао-сяоцзы развернул бумагу, и по улице поплыл упоительный аромат сочного мяса.

— Конечно, — кивнул Сяо Чжу-эр. — Ли Гэ-эр всегда даёт мне самый первый баоцзы из каждой новой партии.

Убедившись, что малец не голоден, Гао-сяоцзы принялся раздавать угощение. Лун Юй тем временем вышел с монетами.

— Сяо Чжу-эр, заглядывай попозже поиграть. Я как раз собираюсь откупорить новое вино, возьмишь немного отцу, пусть попробует, скажет, как оно на вкус.

Лун Юй прикидывал выгоду — в голове его так и защёлкали костяшки воображаемых счётов. Мальчик же, не подозревая о хитростях соседа, с радостью согласился — уж очень ему хотелось порадовать отца добрым хмелем.

Ли Гэ-эр, услышав от сына приглашение Лун Юя, не стал возражать. Сяо Чжу-эр пристроился к остальной компании на ступенях, и вскоре переулочек наполнился весёлым гомоном и детским смехом.

Ли Гуй ещё не успела подойти к винной лавке, как издали заметила ряд мальчишек, сидевших на пороге. Выглядели они как маленькие попрошайки. Одежда на них была хоть и не слишком грязной, но слой заплат на локтях и коленях вызывал у неё брезгливость. У кого-то лица были в саже, кто-то загорел до черноты, напоминая угольный комок. Сама их близость казалась ей чем-то нечистым.

Ещё не дойдя пяти шагов до входа, она почувствовала, как внутри закипает раздражение. Будь её воля, она бы развернулась и ушла, и Лун Юй наверняка только захлопал бы в ладоши от радости, но Ли Гуй пересилила себя.

— Есть тут кто-нибудь? — крикнула она, остановившись в отдалении.

Дети по её взгляду сразу поняли, что их презирают. Лица мальчишек помрачнели. Обычно, завидев гостя, они теснились, освобождая проход, но сейчас никто и пальцем не пошевелил. Они сидели неподвижно, делая вид, что никакой принцессы перед ними нет.

Лун Юй, прекрасно слышавший её голос изнутри, и не подумал отзваться. Ли Гуй позвала ещё несколько раз, но, не получив ответа, решила войти сама. Однако вид живой преграды из «маленьких нищих» заставил её брезгливо поморщиться. Заговорить с ними для неё было выше всяких сил.

Постояв немного, она всё же не выдержала:

— Эй, вы! Пусть кто-нибудь позовёт лавочника. У меня к нему дело.

Гао-сяоцзы ответил, не моргнув и глазом:

— Брата Луна нет на месте. Велел нам за лавкой приглядывать. Так что подожди, если охота, может, скоро и вернётся.

— Да-да, — закивали остальные, преграждая путь и не давая ей пройти.

Ли Гуй чувствовала, что Лун Юй прячется внутри, но сделать ничего не могла. Ей не хотелось приближаться к этим детям, и в голове её закрутились мысли: «Может, подкупить их?»

— Я дам вам денег, — сказала она, — только позовите его.

Мальчишки дружно затрясли головами.

— Не пойдёт. Мы люди слова.

— Тогда ты иди и найди его! — она ткнула пальцем в Гао-сяоцзы.

— И не подумаю, — фыркнул тот. — Откуда мне знать, куда он подевался? Может, вообще из города уехал.

Видя, что дети непоколебимы, она пожалела, что не взяла с собой стражу. Те бы быстро разогнали эту ораву.

— Ваше сиятельство, шли бы вы отсюда, — ухмыльнулся Гао-сяоцзы. — Переулок Юньшуй — не место для благородных дам. Не бойтесь, что люди скажут, будто вы от мужа к мужчинам сбежали?

Он видел таких не раз: тех, кто приходил сюда искать своих супругов, но те, кто однажды попадал в Юньшуй, обратно в женские дома обычно не возвращались. Гао-сяоцзы и сам подумывал, что в будущем сойтись с женщиной куда лучше, чем терпеть придирки в женском доме. Он даже втайне гадал: захочет ли лавочник Ван Юфу признать его сыном? Если бы они с Сяо Чжу-эром стали одной семьёй, их союз было бы легче заключить...

(Много лет спустя Сяо Чжу-эр, узнав о тогдашних мыслях Гао-сяоцзы, просто спихнул его с кровати. Ещё молоко на губах не обсохло, а уже о таком помышлял! Бесстыдник!)

— Ваше Высочество! Беда! — к Ли Гуй подбежал её личный слуга и зашептал на ухо: — Канцлер Яо Чжи подала прошение против госпожи Цюань И!

— В чём она её обвиняет? — Ли Гуй почувствовала холод в груди. Что-то надвигалось.

В этот миг перед её глазами почему-то всплыла насмешливая улыбка Ли Ции.

— Канцлер Яо Чжи обвиняет Цюань И в государственной измене!

Это было тяжкое обвинение. За такое полагалась казнь всего рода.

— Есть ли у неё доказательства? — Ли Гуй не понимала, что затеяла Яо Чжи. Эти две вечно соперничали, но никогда не доходили до попыток подвести друг друга под плаху. Что изменилось?

— Есть, — ответил слуга. — Письмо, якобы написанное рукой самой Цюань И.

— Кому оно адресовано? — спросила принцесса, и сердце её замерло.

— В Шицю.

Ли Гуй нахмурилась. Плохо дело.

Страну Сюаньжу и Шицю разделяла лишь река. Там правил закон мужчин, и мужья-мужчины ценились выше, чем обычные жёны. Многие пары, не находившие себе места в Сюаньжу, тайно бежали туда. Раньше Сюаньжу пыталась запретить подобные союзы, но чем строже были запреты, тем больше людей уходило. В конце концов властям пришлось смириться, и появление таких мест, как переулок Юньшуй, немного разрядило обстановку.

Шицю давно мечтала поглотить Сюаньжу. Только долголетие императрицы Ли Юань и бесконечные распри между принцами Шицю давали Сюаньжу передышку. Ли Юань и сама подумывала стереть соседа с лица земли, но боялась, что её действия привлекут внимание «Того Самого»... Вспоминая древний договор, она не хотела рисковать.

Но это не означало, что она позволит своим министрам водить дружбу с врагом!

В таких делах, виновен человек или нет, его сначала бросают за решётку. Даже Цюань И, несмотря на её высокий титул, незамедлительно отправили в темницу. А уж будут ли её пытать — зависело от того, к какой фракции принадлежит судья: к друзьям Цюань И или к сторонникам Яо Чжи.

Цюань И не повезло. Новый судья был ставленником Яо Чжи.

В тюрьме хватало способов сломить человека: одни пытки оставляли страшные раны, не задевая жизненно важных органов, другие не оставляли следов, но вытягивали из пленника саму жизнь. Однако Яо Чжи распорядилась иначе: Цюань И просто бросили в самую смрадную камеру и лишили нормальной еды.

Привыкшая к роскоши с пелёнок, Цюань И не выдержала и полдня. Она бесновалась, требуя встречи с Яо Чжи и проклиная её за ложный донос.

Когда Яо Чжи вошла в темницу, крики всё ещё не утихали. Она медленно, шаг за шагом, подошла к решётке. Сложив руки на животе, канцлер холодно посмотрела на пленницу.

— Тебе есть что сказать мне?

Цюань И уставилась на женщину в нежно-голубом платье. Та выглядела как всегда: ледяная и надменная. Трудно было поверить, что такая женщина способна на безумную любовь к мужчине.

— Яо Чжи! Зачем ты оклеветала меня?! — Цюань И даже в тюрьме была в своём алом наряде, ярком, как её собственный нрав.

— Просто хотела, чтобы ты немного пострадала, — честно ответила Яо Чжи.

— Ты с ума сошла! — Цюань И задохнулась от ярости. Не будь между ними решётки, она бы вцепилась сопернице в глотку.

— Обвинение в измене может и не выстоять, но за годы службы ты нагребла достаточно золота и серебра. Пары-тройки других прегрешений хватит, чтобы вынести приговор. Не бойся, тебя не казнят, скорее всего, отправят в ссылку. Я не дам тебе умереть так просто.

— Да что с тобой такое?! — Цюань И пристально смотрела на неё. Кто при дворе был чист на руку? Почему она вцепилась именно в неё?

— Где Лин Мо?

Стоило Яо Чжи произнести это имя, как Цюань И мгновенно замолчала. Она опустила взгляд, не в силах вымолвить ни слова.

— Я спрашиваю тебя! Где мой Лин Мо?! — Яо Чжи почти сорвалась на крик. — Цюань И! Ты обещала мне! Ты клялась, что защитишь его! Говорила, что с ним всё будет в порядке! И что теперь?! Где он?! Он мёртв! Мёртв!

Услышав это, Цюань И резко вскинула голову:

— Как?.. Не может быть! Я только... только отправила его во дворец... Отчего ему умирать?

Яо Чжи через решётку схватила её за ворот:

— «Только в замок»?! Цюань И! Ты лучше меня знаешь, что за человек наша императрица! Лин Мо был твоим единственным родным братом! Ты отдала его во дворец! Если он тебе не был нужен — отдала бы его мне! Я бы вышла за него! Ввела бы его в дом как своего единственного мужа!

— Пусти! Я не знала, что он умрёт! — Цюань И пыталась вырваться, но голос её звучал жалко.

— Ты не знала?! Ты променяла его на свой титул! — Яо Чжи с силой оттолкнула её. Пленница упала на грязный пол. Канцлер отвернулась, и слёзы покатались по её лицу. — Знаешь, как он умер? Его забили до смерти. Забили живьём! Знаешь, за что? За то, что он случайно опрокинул кубок с вином! Из-за паршивого кубка вина его лишили жизни!

Цюань И замерла. Она знала, что императрица капризна и скоро на расправу, но и представить не могла, что её единственного брата убьют из-за пустяка. Она думала, что с его красотой и талантами он очарует государыню...

Если бы она знала... Она бы лучше отдала его Яо Чжи. По крайней мере, тогда он был бы жив.

Но, к несчастью, в этом мире не бывает слова «если бы»...

<http://bllate.org/book/17533/1704430>